

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

Национально-культурная специфика названий животных в русской и корейской фразеологии

© кандидат филологических наук Пак Сон Гу (Республика Корея), 2000

По общепризнанному мнению, фразеологический состав языка представляет собой "наиболее самобытное его явление" (Ройзензон 1977, 116) "не только в плане системно-регулярной аномальности, но и в плане выражения фразеологизмами национальной самобытности народа – носителя языка" (Телия 1996, 215).

В связи с этим особую важность представляют, по нашему мнению, исследования зоонимов, входящих в состав фразеологических единиц (ФЕ) двух разноструктурных языков с целью описания системы ассоциаций, коннотаций, связанных у носителей двух сопоставляемых языков с представлениями о том или другом животном – в проекции на человека.

Наблюдения над русским и корейским языками показывают, что двум языковым коллективам известны как одни и те же биологические виды и круги названий животных, выполняющих одинаковые или различные характеристические функции в двух сопоставляемых языках, так и абсолютно разные, встречающиеся в одной из стран, для другой же являющиеся "экзотичными". Лишь небольшая часть зоонимов, входящих в состав ФЕ русского и корейского языков, имеет сходное символическое прочтение. Совпадения могут быть обусловлены определенным сходством в природных условиях жизни двух народов, включая фауну, а также одинаковым восприятием и переосмыслением действительности.

По мнению И. Е. Тимошенко: "Сходство и тождество мысли или понятий не удивительно, так как основные понятия нравственности, идеи добра и зла, предписания здравого смысла и выводы эмпирических наблюдений природы и навыков животных более или менее одинаковы у всех народов" (Тимошенко 1897, 17).

У двух народов, например, *заяц* является олицетворением трусости (ср. корейск. ФЕ **тхоки гатхын** (букв. "как заяц") 'трусливый'; русск. ФЕ **труслив как заяц; трусливее зайца, прокудливей кошки; дрожать как заяц; заячья кровь**). В России традиционный мотив трусливого *зайца* воспринят современной городской культурой. Именно эта символика *зайца* наиболее известна, популярна и продуктивна в настоящее время. Этим, в частности, объясняется появление значения 'безбилетный пассажир' или 'дезертир' у слова *заяц*, а также современ-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

ные частушки, басни, анекдоты, карикатуры, комиксы, мультфильмы с участием *зайца*, трусливого и дрожащего или, наоборот, лихого и удалого, похваляющегося своим бесстрашием (см. об этом Гура 1997, 199).

В народных представлениях находит отражение трудолюбие таких насекомых, как *муравьи* (ср. русск. **трудится как муравей**; корейск. **гэми гачхи** (букв. “как муравей”) ‘трудолюбивый’).

Сходства в восприятии окружающей действительности у двух языковых коллективов отразилось при характеристике такого пресмыкающегося как *змея*. В русском и корейском языках *змея* – символ зловредного человека, способного на подлые поступки [ср. русск. ФЕ **змея подколотная; змею на груди пригреть**; корейск. ФЕ **бэм гатхын** (букв. “как змея”)].

Одинаковые ассоциативные представления обнаруживаются у двух народов при характеристике *соловья* (русск. ФЕ **поет (заливается) как соловей**; корейск. ФЕ **коэкори гатхи** (букв. “как соловей”). Однако, если русская ФЕ употребляется применительно как к мужчине, так и к женщине, то корейский фразеологизм – только применительно к женщине.

В русском и корейском языках совпадают некоторые устойчивые сравнения, обозначающие физические характеристики или черты характера человека: *полноту* (русск. **жирный как свинья** – корейск. **доджи гачхи туньтунхан** (букв. “толстый как свинья”); *хитрость* – русск. **хитрый как лиса** – корейск. **ёу гатта** (букв. “как лиса”); *твердость, несгибаемость* – русск. **как феникс, восставший из пепла** – корейск. **бульсаджо гатхын** (букв. “как феникс”); *глупость* – русск. **курья голова** – корейск. **даг(ый) дэгари** (букв. “башка курицы”).

Общеизвестно, что одна и та же экстралингвистическая данность по-разному преломляется в разных языковых системах. Это особенно заметно в сфере оценок и характеристик, выражаемых единицами языка. В частности, зооморфизмы (зоохарактеристики) разных языков, которые ориентированы на одно и то же реально существующее животное, представляют его эталоном разных качеств и свойств (см. об этом Гутман и др. 1977, 148).

Содержание зооморфизмов, например, в корейском языке может существенно отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в русском языке, что дает основание усматривать в них отражение национальной специфики культуры народов, говорящих на этих языках.

Несовпадения могут быть обусловлены не только географическими условиями, но и фантазией народов, ценностями и антиценностями их культур, особенностями фольклора и многим другим.

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

Особое место в этой связи занимают в двух языках воспроизводимые из поколения в поколение эталонные сравнения, которые отражают не только мировидение, но и связаны с миропониманием, поскольку “являются результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с “нечеловеческими” свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека” (Телия 1996, 241-242).

Эталонном упрямства в корейской ментальности выступает *бык*: **хонаньсо гатхын годжиб** (букв. “упрямый как бык”) (ср. русское эталонное сравнение **упрямый как осел**); в корейском традиционном эталонном сравнении **гомчором мирёнхада** (букв. “глупый как медведь”) *медведь* олицетворяет глупость, а в русских ФЕ **глупый как сивый мерин**; **глуп как баран** образцом глупости являются *мерин, баран, медведю* же приписывается качество ‘неуклюжий, сильный, здоровый’ (ср. **неуклюжий как медведь; сильный, здоровый как медведь**). Неловкость, неумелость этого зверя нашла отражение и в следующих ФЕ: **медведь на ухо наступил; медвежья услуга**. Здоровый, физически крепкий человек отождествляется в русском сознании и с *быком* (ср. **здоровый как бык**). Если для русского человека *лошадь* ассоциируется с глупостью, то для корейца *лошадь* отождествляется со свободой, волей, необузданностью: **нохамоги маль** (букв. “лошадь, выросшая на воле”) ‘необузданный человек; дикарь’), **гуллэ босын маль** (букв. “лошадь со снятой уздой”). В русском языке существует также ФЕ **саврас без узды**, которая имеет значение ‘необузданный, бесшабашный молодой человек’. Однако это идиоматическое выражение устарело и не употребляется в современной русской речи. В русском языковом сознании свобода связывается с *птицей* (ФЕ **вольная птица**). Образцом такого качества как *злость, злобность* в русском языковом сознании является *собака* (ср. **злой как собака**), корейцы это качество приписывают *питону* (ср. **ён мотдойн имуги гатта** (букв. “питон, не ставший драконом”).

В двух сопоставляемых языках концепт “быстрота, стремительность действия” фразеологически воплощается в следующие образы: русск. **как корова языком слизала**; корейск. **гэунун гамчхудыт** (букв. “словно краб прячет глаза”).

Характеризуя человека, который много пьет, русский человек скорее всего сравнит его с *лошадью* (ср. **пьет как лошадь**), кореец же – с *китом* (**горэ гатхын** (букв. “как кит”).

В составе ФЕ, обозначающих профанацию деятельности, также используются наименования животных, только для русского человека это *вороны* (или *собаки*), для корейца – *мухи* [ср. русск. ФЕ **гонять ворон (собак)**; корейск. ФЕ **пхарирыль нальлида** (букв. “гонять мух”)].

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

Концепт “медлительность” имеет следующие фразеологические образы: русск. ФЕ **черепашьям шагом; как черепаха (идти, тащиться, плестись** и т.п.); корейск. ФЕ **гумбэньи гатта** (букв. “как личинка цикады”).

Образ “тощего” человека в русском менталитете не отождествляется с животными, скорее всего он будет связан с *жердью, щепкой (тощий как щепка/жердь)*, однако образ, вызываемый в корейском языке связан непосредственно с зоонимом: (**мёльчигатхын** (букв. “как мёльчи (японский анчоус)”

Концепт “тупость” в русском языке выражен следующим образом: русск. **тупой как пробка (дерево)**. В корейской ментальности с *лягушкой* связан образ недалекого человека: **мэньконъи гатта** (букв. “как лягушка (пузатая)” ‘тупица’; **умольанэ гэгури** (букв. “лягушка в колодеце”) ‘о невежественном, ограниченном человеке’; **чхоньгэгури гачхи** (букв. “как зеленая лягушка”) ‘делать все наоборот’ и др. В русском менталитете с *лягушкой* ассоциируется лишь холодность человека (большей частью женщины) в прямом и переносном смысле (**холодная как лягушка**).

Эталоном малого количества чего-либо в корейском языке выступают *слезы цыпленка*, в русском языке – *слезы коты* [ср. корейск. ФЕ **бёнари нунмульманхым** (букв. “словно слезинки цыпленка”); русск. ФЕ **кот заплакал**].

В корейском и русском языках отмечено большое количество ФЕ с зоонимом *мышь*. Некоторые из этих ФЕ возникли в результате наблюдения над поведением и внешним видом грызуна: русск. ФЕ **играть в кошки-мышки; надуться как мышь на крупу; мышинный хвостик; мышинная возня** и др.; корейск. ФЕ **джи джугындыт** (букв. “словно умершая мышь”) ‘затаив дыхание (от страха)’; **коянъи абиз джи** (букв. “мышь перед кошкой”) ‘бояться чего-либо’; **джи(га) сумдыт** (букв. “прячется словно мышь”) ‘тише воды, ниже травы’; **джи согым нарыдыт** (букв. “словно мышь таскает соль”) ‘понемногу (убавляется)’; **сэджи гатхын** (букв. “как мышь-малютка”) ‘избегать какого-либо дела’ и мн. др.

В корейской фразеологии образ *мышь* как бы расчленяется, в поле зрения попадают отдельные части тела грызуна: ФЕ **джинун гатхын** (букв. “как мышинные глаза”) ‘маленькие глаза’; **джибаль гыридыт хада** (букв. “словно рисовать мышинной лапой”) ‘писать неразборчиво’; **джикориман хада** (букв. “не больше, чем мышинный хвост”) ‘очень немного’. Во ФЕ также присутствует такая вымышленная часть тела *мышь*, как *мышинные рога* (ср. **джипульдо обта** (букв. “нет даже мышинных рогов”) ‘хоть шаром покати’; **джипульмандо мотхада** (букв. “даже

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

меньше, чем мышинные рожки”) ‘очень мало чего-либо’; **джикуль гата** (букв. “похож на мышинные рожки”) ‘некрасивый; непристойный’ и мн. др. Подобные ФЕ представляют несомненный интерес для исследователей, так как в них проявляются национальные особенности мировидения, фантазия народа – носителя языка.

В корейском языковом сознании образ *воробья* отождествляется с болтливом человеком, трещоткой: ФЕ **чхамсэ гачхи** (букв. “словно воробей”) ‘болтун’; **чхамсэрыль мока могогна** (букв. “(ты) съел воробья?”) ‘болтун, трещотка’; **чхамсэалыль камогда** (букв. “съест яйцо воробья”) ‘болтун, трещотка’; **чхамсэаль камогта** (букв. “разбивать и есть воробьиные яйца”) ‘болтун, трещотка’. В русском языке *воробей* – символ малости: ФЕ с (гулькин) **воробьиный нос**, **короча воробьиного носа**, а также опытности: ФЕ **стреляный воробей**.

Для русского человека образ трещотки, болтливого человека скорее всего будет ассоциироваться с *сорокой* (ср. **трещит как сорока**).

Для корейца концепт “опытность” фразеологически воплощается в образ *динодона*: **нынгурони гатхын** (букв. “как краснопоясный динодон”).

В корейском языке *свинья* может иметь как положительную: ФЕ **доэдж кумыль куда** (букв. “видеть сон свиньи”) ‘хороший признак; к удаче’, так и отрицательную коннотацию: ФЕ **доэджигатхын** (букв. “как свинья”) ‘толстый, жадный, прожорливый’.

Для русского человека *свинья*, как правило, также ассоциируется с неопрятностью (**грязный как свинья**), неблагодарностью (**неблагодарная свинья**), отсутствием интеллекта, глупостью (**разбираться как свинья в апельсинах**), непорядочностью, способностью на низкий, подлый поступок (**подложить свинью**).

В корейской национальной символике *тигр* занимает важное место. *Тигр* – это символ силы, храбрости, бесстрашия. Может быть, именно поэтому в корейском языке отмечено много ФЕ с зоонимом *тигр*: **бом гатхын** (букв. “как тигр”) ‘страшный, свирепый человек’; **хоранги дамбэ могодон сиджоль** (букв. “в те времена, когда тигр курил”) ‘очень давно’; **мом бон халми чхагумон тхыломагдыт** (букв. “словно бабка, закрывающая окно [бумагой] при виде тигра”) ‘на скорую руку (поест)’ и мн. др.

Прототипической сценой большинства русских и корейских ФЕ с зоонимом *рыба* является естественное поведение животного в природе: русск. **биться как рыба об лед; как рыба в воде; нем (немой) как рыба**; корейск. **муль тонан гоги** (букв. “рыба, вынутая из воды”); **муль багкэ нан гоги** (букв. “рыба вне воды”); **муль одын гоги** (букв. “рыба, получившая воду”).

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

В корейских ФЕ зооним *рыба* может выступать и с символическим значением жертвы: **домаэ орын гоги** (букв. “рыба на разделочной доске”) ‘жизнь висит на волоске’; **гамасотхэ дын гоги** (букв. “рыба в кухонном котле”) ‘находиться между жизнью и смертью’. ФЕ, обозначающие концепт “хорошо, свободно, непринужденно” для русского человека будут ассоциироваться с *рыбой* (**как рыба в воде**), для корейца – с *морским котиком* (**мульгэ гатхын**) (букв. “как морской котик”).

Для корейца *гусь* олицетворяет, как правило, одиночество: ФЕ **онги-роги гачхи** (букв. “как одинокий дикий гусь”) ‘одиночество’; **ончирोगи цагсаран** (букв. “как безответная любовь одинокого дикого гуся”) ‘неразделенная (безответная) любовь’.

В русском языковом сознании некоторые ФЕ с компонентом *гусь* символизируют ненадежного, плутоватого человека, пройдоху (**ну и гусь; вот так гусь; что за гусь; хорош гусь; гусь лапчатый** и т.п.), другие – отражают естественное поведение птицы (**гусей дразнить; как с гуся вода**).

В русской и корейской фразеологии есть немало ФЕ с зоонимом *ворона*. Для носителя русского языка *ворона* ассоциируется с человеком: а) резко выделяющимся среди других, непохожим на окружающих (**белая ворона**); б) тщетно пытающимся казаться более значительным, интересным, образованным и т. п., чем он есть на самом деле (**ворона в павлиньих перьях**); в) который по своим взглядам, интересам и т.п. отошел от одних и не примкнул к другим (**ни пава ни ворона**); г) который глазает по сторонам, бездельничает (**считать ворон**).

В русском языке также существует ассоциативная психологическая языковая метафора (термин Г.Н. Складневской. – см. Складневская 1993, 59) *ворона*, обозначающая рассеянного, невнимательного человека. В корейском языке подобная метафора отсутствует, однако для носителя корейского языка образ *вороны* связывается с крайне забывчивым человеком: **камагуи гоги моготна** (букв. “(ты) съел мясо вороны?”), а также с человеком, который весь в грязи: **камагуи сон** (букв. “рука вороны”); **камагуи сачхон** (букв. “двоюродный брат вороны”).

Многие ФЕ с зоонимом *корова* в русском и корейском языках отражают наблюдения за природой и навыками этого животного (русс. **дойная коров(к)а; как корова языком слизала**; корейск. **со гатхын** (букв. “работать как корова”) ‘много и тяжело работать’; **со могдыт хада** (букв. “(он) ест как корова”) ‘много есть, обжираться’ и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что трудолюбивый человек много и тяжело работающий, ассоциативно связан у двух народов с животными, использующимися на самых тяжелых работах: в русском с

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

лошадью (**работать как лошадь**), в корейском с коровой (**работать как корова**).

В корейских ФЕ и устойчивых словосочетаниях (УС) очень часто присутствует зооним *дракон*. В корейской ментальности *дракон* олицетворяет королевскую власть, могущество, поэтому почти все ФЕ и УС имеют положительную коннотацию. Например, *гэчхонэсо ён нанда* (букв. “из ручья выходит дракон”) ‘во всем превосходить своих родителей’; *ёный алыл одын гот гатха* (букв. “словно нашел драконово яйцо”) ‘как будто нашел драгоценность (о человеке)’; *ёни дойда* (букв. “стать драконом”) ‘стать лучше, чем раньше’; *ёньыль тхада* (букв. “оседлать дракона”) ‘удачно выйти замуж’; *ёньмунэ дыльосода* (букв. “войти в ворота дракона”) ‘сделать карьеру, прославиться’ и мн. др. Для русского же человека с *драконом* связываются самые негативные ассоциации: *дракон* – отрицательный персонаж русских народных сказок, чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, пожирающее людей и животных.

Некоторые корейские “экзотические” с точки зрения россиянина животные, в основном это представители морской фауны, остаются для него как бы в “полосе нечувствительности” (см. об этом Бабушкин 1984, 92), с ними не образуются ФЕ, они не вызывают никаких ассоциативных образов. Это, например, *осьминог, морской котик, хамса, краб, кит, питон, олень, фазан* и некоторые другие. В корейском языке с ними отмечено большое количество ФЕ.

Итак, анализ показал, что в “зоосимволах” двух сопоставляемых языков (русском и корейском) имеются как сходства, так и расхождения. Расхождения неизбежны, так как ФЕ с зоонимами в своем составе отражают менталитет нации, ее фантазию, самобытность, мировосприятие народов – носителей языков. По мнению Н. И. Сукаленко: “Подобные существенные расхождения конкретных языковых образов, как правило, – результат несопоставимо глубоких различий целостного национально-культурного мировосприятия, только частично зафиксированного с помощью языка” (Сукаленко 1992, 98).

Л и т е р а т у р а

- Бабушкин А. П.* Зооморфизм: символ и метафора // Лингвострановедение в преподавании русского как иностранного. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 88-95.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во “Индрик”, 1997.
- Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И.* Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 147-165.
- Ройзензон Л. И.* Русская фразеология. Самарканд: СамГУ им. А. Навои, 1977.

**Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X**

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.

Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира.
Киев: Наукова думка, 1992.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурные
аспекты. М.: Школа “Язык русской культуры”, 1996.

Тимошенко И. Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и
поговорок. Киев: Тип. П. Барского, 1897.